

УДК 82

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-242-247

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ ГЕОРГИЯ ВЕНУСА «ЗЯБЛИКИ В ЛАТАХ»

© Татьяна Пирогова

ORNITHOLOGICAL IMAGES IN THE NOVEL “FINCHES IN ARMOR” BY GEORGY VENUS

Tatiana Pirogova

The image of a bird is one of the traditional images in world culture. For the texts of Russian and foreign literature, a bird is one of the most complex, polysemantic and semantically full images. The purpose of the article is to study the mythopoetic image of a bird. The article examines the system of ornithological images in the novel “Finches in Armor” by Georgy Venus, revealing the semantic content of the ornithological images found in the text. The title of the novel immediately sets a certain “ornithological” semantic vector. Finches in the novel turn out to be wearing greatcoats - these are young soldiers, for whom the world happens to be tragic, it collapses. The birds, mentioned by the author, at first glance appear in the text by chance, become part of the landscape, but the moments when they appear next to the characters of the work, accompanying them in reality and in their thoughts, create the impression of no accident; the frequency of their mention makes one think about their symbolic semantic meaning for the entire novel. The images of birds in the novel by Georgy Venus carry certain meanings that expand the figurative system of the novel, becoming messengers, their appearance in the work is associated with a premonition of trouble, which activates their mediator functions.

Keywords: Georgy Venus, “Finches in Armor”, symbolic meaning, ornithological image, mediator functions

Образ птицы – один из традиционных образов мировой культуры. Для текстов русской и зарубежной литературы птица – один из наиболее сложных, многозначных и семантически наполненных образов. Целью статьи стало изучение мифопоэтического образа птицы. В статье рассмотрена система орнитологических образов в романе Георгия Венуса «Зяблики в латах», предпринята попытка раскрыть смысловую наполненность встречающихся в тексте орнитологических образов. Название романа сразу задает определенный «орнитологический» смысловой вектор. Зяблики в романе оказываются в шинелях – это молодые солдаты, мир для которых оказывается трагичен, он рушится. Упомянутые автором птицы появляются в тексте на первый взгляд случайно, становятся частью пейзажа, но моменты, когда они оказываются рядом с героями произведения, сопровождая их в реальности и мыслях, создают впечатление не случайности, частотность их упоминания заставляет задуматься о смысловом символическом значении для всего романа. Образы птиц в романе Георгия Венуса несут некие смыслы, которые расширяют образную систему романа, становясь вестниками, их появление в произведении связано с предчувствием беды, что активизирует их медиаторские функции.

Ключевые слова: Георгий Венус, «Зяблики в латах», символическое значение, орнитологический образ, медиаторские функции

Для цитирования: Пирогова Т. Орнитологические образы в романе Георгия Венуса «Зяблики в латах» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 242–247. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-242-247

Имя Георгия Давыдовича Венуса (1898–1939) почти забыто российским читателем. Однако в 1920–30-е гг. писатель, прошедший две войны – Первую мировую и Гражданскую, уверенно вошел в отечественную прозу, начав свою творче-

скую биографию в эмиграции в Берлине романом «Война и люди». Возвратившись в 1926 г. в Советскую Россию, Венус много и активно пишет: несколько романов, в основном о войне, рассказы, в том числе и о впечатлениях, почерп-

нутых в эмиграции. В 1935 г. семью Венуса высылают в Куйбышев, а в 1938 г. его арестовывают, и писатель умирает в Сызрани в тюремной больнице. Литературовед Л. А. Финк в книге своих воспоминаний «И одна – моя – судьба» писал: «Три периода трудной жизни Георгия Венуса отражены в романских сюжетах: годы, первой мировой войны, вплоть до февральской революции: гражданская война на юге, бегство из Крыма армией Врангеля; наконец, эмиграция, сложные судьбы русских беженцев в предфашистской Германии. Венус насмотрелся на их жестокую и бессмысленную смерть. Надо много раз видеть кошмары войны, чтобы писать о них так внешне спокойно и в то же время так по сути взволнованно, как пишет Венус» [1, с. 10].

В 1928 г. был опубликован, пожалуй, самый известный роман Георгия Венуса – «Зяблики в латах». В трех «военных» романах Венуса существует определенная хронологическая последовательность, позволяющая говорить о своеобразной трилогии: в «Зябликах в латах» изображена Первая мировая война, в «Войне и людях» – Гражданская война, в «Стальном шлеме» – эмиграция. В каждом из этих произведений отражена одна судьба на «крутых поворотах отечественной истории» [2, с. 508], в «Зябликах в латах» – это судьба прапорщика Константинова.

События романа «Зяблики в латах» охватывают время с декабря 1916 по осень 1917 гг. Композиция романа выстроена на противопоставлении двух театров действий, двух планов: тыла и фронта. События, происходящие в тылу, разворачиваются в нескольких локусах: в Сызрани, куда прибывает состав с солдатами и офицерами; в Бузулуке, где формируется воинская часть; в Петрограде, где в самый разгар Февральской революции оказываются некоторые персонажи. События, которые происходят на фронте, географически не определены.

В произведении, кроме Константинова, есть несколько сквозных персонажей. Во-первых, это юные и не очень прапорщики, что определенным образом определяет оптику повествования: война показана из окопа, с точки зрения необстрелянного, неопытного младшего офицерского состава. Во-вторых, это несколько командиров, не старше капитана, которым надо отдавать приказы на передовой, но они не в силах повлиять на происходящее. В-третьих, это обыватели города Бузулука, они, пользуясь временным солдатским и офицерским многолюдьем, стремятся разнообразить свою периферийную жизнь.

Для своей работы мы выбрали только один нюанс, раскрывающий, на наш взгляд, художественную манеру Георгия Венуса, – это попытка

раскрыть смысловую наполненность встречающихся в романе «Зяблики в латах» орнитологических образов. В прозе Венуса превалирует социум, мир людей, их отношений, их взаимодействия с историей. Поэтому особенно важным для писателя становится изобразить «трепет» естественной жизни, которая не только становится фоном разворачивающихся событий, но и негромко сообщает им дополнительный смысл.

Обратимся к названию романа, в нем выражена ключевая мысль. Здесь представлен явный оксюморон: название совсем не воинственной маленькой птички соединилось со словом «латы», которое, в свою очередь, связано с доблестью и рыцарством. Несмотря на титульную значимость, упоминание «зяблика» в тексте появляется только один раз и в оскорбительном значении:

«– Не мешай! – крикнул он и толкнул адъютанта. <...> Швед на птичьих ножках! Цыпленок! Трясогузка! Зяблик!» [3, с. 271].

Эту фразу произносит батальонный командир, обращаясь к поручику Викштрему, тем самым обозначая свое отношение к неопытным и юным воинам, оказавшимся на фронтах Первой мировой. Сам Венус, по сути дела, был таким же «зябликом в латах», поскольку в 1915 г., едва окончив Екатериненшуле, поступает в Павловское пехотное училище, через восемь месяцев принимает присягу и прапорщиком отправляется на фронт [Там же, с. 3].

Поскольку Венус был этническим немцем, владел немецким языком и хорошо знал немецкую культуру, можно предположить, что идею названия романа писатель мог заимствовать из старинной немецкой лубочной книги «Рыцарь зяблик», которая состоит из разных небылиц. Ее герой – Поликарп фон Кирлариса, по прозвищу Рыцарь Зяблик, посещает разные страны. На иллюстрациях к книге рыцарь изображен в виде зяблика на лошади или верхом на раке [4].

В силу того, что название романа «Зяблики в латах» задает определенный «орнитологический» смысловой вектор, образ птицы в мировой мифологии наделен различными функциями, среди которых и космогонические черты, и черты проводника-медиатора, и брачно-продуцирующие.

Отечественная классическая и современная литература вбирает в себя культурные коды нации, продолжает и развивает их. Образ птицы оказывается одним из наиболее сложных, многозначных и семантически наполненных образов. Символическая наполненность образов птиц час-

то становилась предметом пристального исследования ученых-филологов: например, труды А. В. Гуры [5], Т. Г. Дубининой [6], Р. П. Митяшова [7], И. С. Макаровой [8], Я. О. Резакова [9], И. В. Якушевич [10] и др., а также коллективная монография «Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке» [11].

Изображение картин природы не занимает в романе Г. Венуса главенствующего места. Повествование сосредоточено на делах людских. Возникает ощущение, что герой, оторвавшись от своих забот, вдруг оглядывается вокруг себя и видит этот окружающий мир, в котором определенное место занимают и птицы.

В процессе сплошной выборки в тексте романа было отмечено, что образы птиц насыщают действие. В главах «Рябой и Рябая» (начало романа) и «Лохматый черт» (ближе к концу романа) есть упоминание голубей. Белые голуби возникают в воспоминаниях о мирной жизни в Самаре одного из персонажей романа – прапорщика Рябого. В этих же главах, а также в главе «В 39-м томском» присутствуют вороны. В главах «Один из тысячи», «В конце дорог» появляются воробьи, они словно бы сопровождают одного из персонажей романа – прапорщика Дергачева. К слову, фамилия его связана с птицей – дергач (коростель), так же, как и фамилию Рябого (обозначение окраса), тоже можно связать с птицей. В главе «Островок» появляются галки, которые криком сопровождают гул колоколов Спасо-Преображенского монастыря и одновременно ссору прапорщика Дергачева и прапорщика Бесседелько. В главе «Отъезд» появляется канарейка, а в главе «Островок» – сова; птицы, которые каждая по-своему характеризуют одного из персонажей – Ольгу Памфиловну.

Птицы в романе появляются вроде бы случайно, просто как принадлежность пейзажа, но ситуация, когда они возникают в тексте, частотность их упоминания создают представление об их смысловом символическом значении для художественного мира романа.

Голуби в романе появляются в разгар боя в затуманенном сознании прапорщика Рябого. Знаменательно, что образ птицы появляется в романе только в воспоминаниях, по которым скорбит герой:

«... это были голуби. Белыми легкими толчками они кружились и над городом. Сколько их, голубей в небе» [3, с. 237];

«Два голубя над детским шаром блеснули крыльями...» [Там же].

В конце фрагмента автор говорит читателю о том, что птицы «упали в темноту», они как буд-

то в прошлом предрекали герою темные времена, которые его ожидают. Рябой окажется на войне, где легкость жизни будет появляться только лишь в его воспоминаниях.

Во второй раз голуби опять появляются в воспоминаниях Рябого о его жене, о предвоенном времени, о его доме на улице Садовой в Самаре, где над крышей, на голубятне, обитали голуби.

Мифо-символическая образность голубя у восточных славян связана с брачной обрядностью – фигурками голубей украшали свадебные караваны. И в романе воспоминание Рябого о жене и о доме связано с голубями. У славян же есть представление о том, что душа умершего превращается в голубя. Рябой, так тоскующий о довоенной домашней жизни, не сможет вернуться к ней – он погибает. Мечты или видения о белых голубях – это предчувствие смерти, прощание со всем, что было когда-то дорого [12, с. 145].

В трех главах взгляд писателя задерживается на воронах. Одно из фольклорно-мифологических значений образа ворона – это предсказатель смерти, вообще вещая птица. Ворон выступает еще как оппонент птицам светлым или пестрым. Образ ворона обладает ярко выраженной (международной) хтонической символикой. Обнаруживается связь не только со смертью, но и с войной [13, с. 116–118]. Противостояние белого голубя и черного ворона в главе «Рябой и Рябая» очевидно: голубь появляется как знак прошедшего счастья, ворон же присутствует в настоящей жизни прапорщика Рябого. В главе «В 39-м томском» вороны появляются, безмолвно напоминая о неизбежности смерти.

Сходной символикой обладают в мифологическом сознании образ грача и галки. В романе галки летают над блестящими золотыми колоколами и лишь одна из них будто бы пытается перекричать гул колоколов Спасо-Преображенского монастыря:

«Над низкими крышами бараков сверкало солнце. Летели галки. Одна галка каркала» [3, с. 345];

«Над золотыми крышами опять полетели галки» [Там же];

«И вдруг галки в небе сверкнули черными острыми крыльями, золото низких крыш брызнуло во все стороны, и удар по затылку бросил прапорщика Бесседелько куда-то вперед» [Там же].

В начале галки пролетают над бараками, затем над золотыми куполами монастыря, а после, взмахнув черными острыми крыльями как своего рода знак предчувствия беды.

Птица воробей также несколько раз упоминается в романе. «Тебе не от дергача – от воробья

род бы вести» [Там же, с. 255], – произносит прапорщик Константинов, обращаясь к прапорщику Дергачеву. Присутствие воробьев и в дальнейшем связано с Павлом Дергачевым. В начале произведения прапорщика сравнивают с воробьями, в финале романа – воробьи слетаются на крест его могилы.

Воробей – птица, с которой в международных мифологических представлениях была связана в основном отрицательная коннотация, тем не менее в восточнославянском фольклоре воробей наделен мужской символикой и с некоторой натяжкой может служить знаком перехода из состояния «мальчишки» в состояние мужчины, готового к своей судьбе: в фольклоре – к браку, в тексте романа – к «браку с войной», со смертью [14, с. 113–115].

В главе «Островок» упоминаются канарейка и сова, оба упоминания связаны с Ольгой Памфиловой, женщиной, привязанной к дому, к мужу инвалиду, к своему галантному поклоннику, полковнику Судакову. Канарейка появилась как экзотическая певчая одомашненная птица в России только в XVIII в., сначала воспринималась как украшение дома, символ достатка. Позднее появление клетки с канарейкой в художественном произведении означало, скорее, мешчанскую среду. В доме Ольги Памфиловны канарейка – одно из немногих развлечений ее мужа и своего рода знак статичности быта.

Сова, встречающаяся героине во время прогулки, становится неким зловещим знаком, который побудил ее отказаться от устойчивого быта, авторитета и положения в своем маленьком мире и отправиться в Петроград. Ольга Памфилова – такая правильная, так точно знающая, что хорошо, что плохо, чувствующая свой долг перед мужем-инвалидом и с достоинством осознающая свою миссию самопожертвования – предчувствует недолговечность этого своего мира.

При всех многообразных значениях мифопоэтических значений образа совы совершенно очевидна ее принадлежность к миру ночи, то есть к миру смерти, холода, пассивности, что как бы вскрывает подоплеку характера героини.

На страницах романа встречается упоминание петуха. Первый раз птица упоминается отцом Дергачева на кладбище во время похорон нелепо погибшего сына:

«Так нет, погони ему нужны были! Звездочки... – не унимался старик. – Шпоры там всякие... Отец без шпор прожил – сын петухом кукарекать захотел! На кукарекался!..» [3, с. 371].

Затем петух появится в главе «В конце дорог»:

«На улицу колонии Эйхендорф мирно вышел петух. Шпоры на его лапах были кривые, но он гордился этими шпорами и, шаркая куре, показавшейся из канавы, подмигивал Марте Гартен голыми красными веками» [Там же, с. 382].

Петух в народных верованиях славян тоже вещая птица, способная противостоять нечистой силе. Петух опекает хозяйство, считалось, что без петуха не будет водиться скот. Красный петух связан с пожаром («пустить петуха» – фразеологизм известный в славянском фольклоре и разговорной речи). В финале романа появляется петух как своего рода амбивалентный образ – это и возможная надежда на будущее, на обновление хозяйства героини, одновременно и тревожное предупреждение о разгорающемся пожаре грядущей революции [15, с. 307–308].

В конце можно подвести некоторые итоги.

В мифопоэтической традиции птицы являются обязательным элементом религиозно-мифологических воззрений и обрядов и обладают множеством разнообразных функций. Птицы в мифе выступают и божеством, и культурным героем, и трикстером, и тотемными предками.

«Они выступают как особые мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности, верха, неба, духа неба, солнца, грома, ветра, облака, свободы, роста, жизни, плодородия, изобилия, подъема, восхождения, вдохновения, пророчества, предсказания, связи между космическими зонами, души, дитяти, духа жизни и т. п.» [16, с. 389–406].

Одной из важнейших функций птицы является то, что ею венчается мировое дерево или дерево жизни. Образ мира в романе Г. Венуса «возглавили» «зяблики в шинелях», что подчеркивает драматизм «низовой», окопной войны и трагизм судеб молодых людей – прапорщиков, «зябликов» – ее фатальность. Само упоминание в тексте произведения птиц (голуби, вороны, воробьи, галки и др.) в связи с вынесенным в заглавие орнитологическим образом придает им определенные смыслы. На первое место выдвигается предчувствие беды, возникающее при появлении птиц, что, безусловно, активизирует медиаторские функции. Птицы не только означают близость границы миров, но и сопровождают героев в иной мир.

Список источников

1. Финк Л. А. И одна – моя – судьба: Воспоминания, раздумья, полемика. Самара: Библиотека газеты «Тарбут», 1993. 255 с.
2. Арьев А. Ю. Родом из немец (О прозе Георгия Венуса) // Г. Венус. Зяблики в латах: Романы. Л.: Советский писатель, 1991. 512 с.
3. Венус Г. Зяблики в латах: Романы. Л.: Сов. писатель, 1991. 512 с.
4. Сумцов Н. Ф. Рыцарь Зяблик // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. URL: <https://prussia.online/books/entsiklopedicheskiy-slovar> (дата обращения: 27.08.2024).
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 909 с.
6. Дубинина Т. Г. Мифологема птицы в «таинственных» повестях и «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. М.: МГПУ, 2016. № 1 (21). С. 27–33.
7. Митяшов Р. П. Образ птицы в лирике А. Блока // Проблемы современной науки и образования. Иваново: Олимп, 2016. № 25 (67). С. 58–62.
8. Макарова И. С. Мифопоэтические образы «яйцо», «птица», «змея» в мировой культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2 ч. Ч. II. С. 133–136.
9. Резаков Я. О. Орнитологическая поэтика: Дж. Сэлинджер – от А. Чехова до В. Аксенова // Вестник Костромского государственного университета. Кострома: КГУ. 2019. № 1. С. 170–173.
10. Якушевич И. В. Орнитологический код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 2 (50). С. 38–53.
11. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография / Отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2019. 504 с. (Природный мир в пространстве культуры).
12. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: РЕФЛ-book, 1994. 608 с.
13. Гура А. В. Ворона. Славянская мифология. Энциклопедический словарь М.: Эллис Лак, 1995. С. 116–118.
14. Гура А. В. Воробей. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 113–115.
15. Бушкевич С. П. Петух. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 307–308.
16. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 389–406.
2. Ar'ev, A. Y. (1991). *Rodom iz nemets (O proze Georgiya Venusa)*. [Originally from a German Background (On the Prose of George Venus)]. 512 p. Leningrad, Sov. pisatel'. (In Russian)
3. Venus, G. (1991). *Zyabliki v latakh: Romany* [Finches in Armor: Novels]. 512 p. Leningrad, Sov. pisatel'. (In Russian)
4. Sumtsov, N. F. *Rytsar' Zyablik* [Knight Zyablik]. Brockhaus i Efron Entsiklopedicheskii slovar': v 86 tomakh (82 tomov i 4 dop.). 1890–1907. St. Petersburg, URL: <https://prussia.online/books/entsiklopedicheskiy-slovar> (accessed: 27.08.2024).
5. Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. 909 p. Moscow, Indrik. (In Russian)
6. Dubinina, T. G. (2016). *Mifologema ptitsy v "tainstvennykh" povestyakh i "Stikhotvoreniyakh v proze" I. S. Turgeneva* [Mythologem of the Bird in the "Mysterious" Stories and "Poems in Prose" by I. S. Turgenev]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Vy'p. 1 (21), pp. 27–33. Moscow. (In Russian)
7. Mityashov, R. P. (2016). *Obraz ptitsy v lirike A. Bloka* [The Image of a Bird in the Lyrics of A. Blok]. Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya. Vyp. 25 (67), pp. 58–62. Ivanovo, Olimp. (In Russian)
8. Makarova, I. S. (2014). *Mifopoeticheskie obrazy "yaitso", "ptitsa", "zmei" v mirovoi kul'ture* [Mythopoetic Images of "Egg", "Bird", "Snake" in World Culture]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Vyp. 3 (33), pp. 133–136. Tambov, Gramota. (In Russian)
9. Rezakov, Y. O. (2019). *Ornitologicheskaya poetika: Dzh. Selindzher – ot A. Chekhova do V. Aksenova* [Ornithological Poetics: J. Salinger – from A. Chekhov to V. Aksenov]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 1, pp. 170–173. Kostroma. (In Russian)
10. Yakushevich, I. V. (2023). *Ornitologicheskii kod v romane M. A. Bulgakova "Master i Margarita"* [Ornithological Code in M. A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita"]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Vy'p. 2 (50), pp. 38–53. Moscow. (In Russian)
11. Smirnova, A. I. (2019). *Ptitsa kak obraz, simvol, kontsept v literature, kul'ture i yazyke: Kollektivnaya monografiya* [Bird as an Image, Symbol and Concept in Literature, Culture and Language: A Collective Monograph]. 504 p. Moscow, Knigodel. (In Russian)
12. Kerlot, H. E. (1994). *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. 608 p. Moscow, REFL-book. (In Russian)
13. Gura, A. V. (1995). *Vorona. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* [A Crow. Slavic Mythology. An Encyclopedic Dictionary]. Pp. 116–118. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)
14. Gura, A. V. (1995). *Vorobei. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* [A Sparrow. Slavic Mythology. An Encyclopedic Dictionary]. Pp. 113–115. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)

References

1. Fink, L. A. (1993). *I odna – moja – sud'ba: Vospominaniya, razdum'ya, polemika* [And My–Only One–Destiny: Memories, Reflections, Polemics]. 255 p. Samara, Biblioteka gazety "Tarbut". (In Russian)

15. Bushkevich, S. P. (1995). *Petukh. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheski slovar'* [A Rooster. Slavic Mythology. An Encyclopedic Dictionary]. Pp. 307–308. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)

16. Ivanov, V. V., Toporov, V. N. (1980). *Ptitsy* [Birds]. *Mify narodov mira: Entsiklopedia*. T. 1, pp. 389–406. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 28.08.2024

Поступила в редакцию 28.08.2024

Пирогова Татьяна Олеговна,
аспирант,
Самарский государственный социально-педагогический университет,
443099, Россия, Самара,
М. Горького, 65/67.
tanya.pirogova.1997@gmail.com

Pirogova Tatiana Olegovna,
graduate student,
Samara State Social-Pedagogical University,
65/67 M. Gorky Str.,
Samara, 443099, Russian Federation.
tanya.pirogova.1997@gmail.com